

«А ПОЧЕСТЕЙ МЫ НЕ ПРОСИЛИ...»

(Номинация: исследование)

Спирина Алёна Олеговна

Г Красноярск, МБОУ СШ№64,
8 класс.

Купрякова Ирина

Владимировна, Учитель

Истории МБОУ СШ№64

Простая белая картонная папка с веревочными тесемочками, распухшая от многочисленных листочков которые, исписаны разным почерком. Они сложены аккуратно один к одному, и бережно упакованы в прозрачные файлы, странно смотрятся современные файлы и папка, которых сейчас уже не делают. Небрежным подчерком на папке написано: «Воспоминания».

В Музеи истории Красноярской Железной дороги мы работали над темой, которая должна быть посвящена событием Великой Отечественной войны. Это не удивительно, страна отмечала великую дату- 70-летие Победы нашего народа в одной из самых страшных войн в истории человечества. Вот тогда среди фондов музея мы наткнулись на толстую старую папку.

Оказалось, что в ней собраны воспоминания красноярских ветеранов-железнодорожников, написанных ими собственноручно в разные годы. Мы начали читать и не могли оторваться.

Воспоминания написаны так, как мог написать искренний человек о наблевшем и дорогом.

Не очень последовательно, с бесконечными повторами, часто не разборчиво. Но в каждой листке, за каждой строкой чувствовали мы огромную боль, которую эти люди несли в себе всю жизнь. Многих из них уже нет в живых, поэтому их рассказ дорог нам сегодня в двойне. Они не только очевидцы событий тех лет, но и наши земляки.

Известно, что личные архивы составляют значительную и существенную часть источников, освещающих историю народа, отражающих мысли и чувства людей, часто скрытые от официальной документации. Архивы рядовых людей заслуживают самого внимательного отношения так как хранят правдивые рассказы очевидцев. Поэтому возможность познакомиться с воспоминаниями ветеранов, которые нам предоставил музей, вызвала у нас огромный интерес. Чем больше отделяет нас время от событий Великой Отечественной, тем больше появляется мифов, которые оскорбляют и извращают память о той войне. Поэтому так дороги свидетельства людей, которые прошли эту войну, вынеся на своих плечах всю ее тяжесть.

Мы отдаем себе отчет в том, что многое в воспоминаниях может быть забыто, человеческая память-несовременный компьютер, который безусловно сохранит любую информацию. Но для нас очень важны были те эмоции, переживания, которые обрушились на нас с этих потёртых страниц. Учитывая, что воспоминания ветеранов не могут являться безусловно достоверным источником, мы уверены, что они дают нам самое главное-ощутить все величие того, что мы сегодня называем подвигом, а они считали

это своим долгом, за который не требовали славы и наград. Как написал один из них: «Мы просто хотели выжить. Погибать в 19 лет нам казалось страшно не справедливым».

Мы не можем представить все воспоминания, их слишком много, но выбирали самые типичные. И постарались их систематизировать.

Довоенная жизнь наших героев не была ни легкой, ни приятной. Алексей Иванович Толстихин родился в семье железнодорожника и в 11 лет пошёл работать так как семейство было большое, а кормильцем был только отец. Так уже перед войной, работая в локомотивном депо, он получил представление о том, что такое ответственность и самостоятельность. Михаил Павлович Бызов которому в 1941 исполнилось 13 лет уже проработал в колхозе некоторое время. Богуш Михаил Игнатьевич в марте 1940 года в возрасте 15-ти лет работал слесарем и одновременно учился на курсах помощников машиниста.

И так в каждом воспоминание мы читаем о нелегком трудовой жизни: «В семье было шестеро детей. Хлеб у нас был не всегда, и я с ранних лет работал в поле помогал родителям по дому, пилил дрова, ходил за конем, не боялся никакой работы». (Коваленко Петр Павлович).

Не смотря на нелегкое детство, они мечтали о будущей прекрасной жизни Петр Павлович Коваленко писал, что больше всего на свете он, деревенский мальчишка, любил стихи: «Я родился в семье, где не всегда был хлеб, но всегда любили песни. Безграмотная мать, от брата который учился в школе, подслушивала музыкальные стихи Лермонтова, запоминала их наизусть, пела над моей зыбкой. Отец- безбожник любил петь молитвы. Его сильный, сочный бас мне слышится даже сейчас. Я знал, что буду писать стихи».

Они не знали одного- беда уже стояла у порога. Вместо прекрасной юной жизни их ждала война. Судите сами, они ушли на фронт совсем юными: Бызов М.П в 17 лет, Богуш М.И в 17 лет, Грузин П.Г в 17 лет, Коваленко П.П в 17 лет. Многие уходили добровольцами, многие приписывали себе года. Кто-то просто требовал отправить его на фронт. Грузин Павел Гаврилович, вспоминает, что его 18-летнего 1941 году отправили на восток в город Свободный, где 4 месяца он проходил курс молодого бойца. Ветеран рассказывал: «Наконец пришёл список тех, кого отправляют на фронт. Смотрю меня там нет. Возмущенный, я сразу побежал к комбату. Почему говорю меня, оставляют, я хочу воевать. Комбат пошёл навстречу. Так я попал на фронт».

Алексей Иванович Толстихин, Работая в железнодорожном депо получил бронь. Не раз ходил он в военкомат с просьбой послать его на фронт, но ответ был не именно один «Ты нужен здесь»

Некоторые из наших героев до войны были призваны не годными для той или иной деятельности, так Бызов Михаил Павлович мечтал о профессии летчика, зрение подвело, но в 1941 году это не стало препятствием чтобы отправится на фронт.

Только они знают, как тяжело и страшно им было в те дни. Фёдора Захаровича Кочубея, которого в 1941 году исполнилось 18 лет отправили после короткой учебы на Первый Украинский. Сначала он попал в пулеметную роту, потом в транспортную, где ковал лошадей оказывается, они на фронте были солдатам верными помощниками, хотя основная надежда у пехоты была на собственные ноги и выносливость.

Юному Фёдору выносливости было не занимать: еще до войны он начинал работать молотобойцем в кузне. Много повидал юный солдат. Дважды чудом он спасся от гибели. Кочубей Федор Захарович вспоминал как однажды во время боя, в котором погибла почти вся его рота, он спрятался под труп, пролежав так сутки пока не удалось вернуться к своим. Другой раз сидя в окопе он увидел, прыгающего на него немца, пришлось схватиться в рукопашную.

К концу войны на груди молодого командира взвода Кочубея сияли орден Отечественной войны второй степени, медаль за «Боевые заслуги».

К концу войны он знал, что дома, в Сибири его никто не ждет. Ни стало не отца, ни матери. Так война обездолила молодого Сибиряка.

Богуш Михаил Игнатьевич с самого начала службы был разведчиком 1028-го Стрелкового полка, затем до января 1945 года- он разведчик 9-го кавалерийского корпуса под командованием генерала Доватора.

Первую награду- орден Славы III степени получил в апреле 1944 года. За то, что во время очередной вылазки привел в свое подразделение «языка». А через месяц он получает орден Славы II степени за рукопашную схватку в немецком блиндаже. В ней одержали победу наши разведчики и даже захватили в плен вражеского офицера. Весной 1945 года группа Михаила Богуша всю ночь двигалась в колонне, отступающих немцев, вблизи Кёнигсберга. Когда немцы заметили неладное, разведчики вступили в бой. Михаил Богуш получил пулю в грудь и потерял сознание. Очнулся только через полмесяца во фронтовом медсанбате и узнал, что представлен к ордену Красной Звезды посмертно. Похоронку к этому времени его семья уже получила. А орден нашёл солдата только в 1975 году.

Грузин Павел Гаврилович оставил нам такие воспоминания: «В сорок первом я окончил курсы шоферов. Первое боевое крещение я получил на реке Березине. Форсировали реку ночью под пулеметным огнем. Плавсредств нет. До острова, который нужно было занять раньше немцев, - сто метров. Кто не умел плавать, цеплялся за доски, фонарные столбы или за плечо товарища. Те, кто доплыл до острова, держали оборону из оврагов, залитых водой. Через несколько дней пришли первые лодки за ранеными. Два рейса за ночь. Увозили по пять человек. Так мы две недели держались. Есть приходилось дикие яблочки да мелкую рыбешку. На другой берег плавали за картошкой. Копали ее на огородах, оставшихся нетронутыми в сожженной немцами деревне. От голода даже приходилось подбирать ранцы, которые немцы бросали при отступлении. В них – колбаса, рафинад, хлеб. Найдешь такой ранец – настоящий праздник!

Перед штурмом Берлина 2 мая 1945 года в 4 часа по местному времени на одном из участков фронта немцы перешли в контратаку. Нам надлежало отбить ее. В бой вступили пятеро: командир батальона Клементьев, старшина Трофимов, командир отделения знаменосцев Сергеев, почтальон (имя не помню) и я, Павел Грузин. Комбат и почтальон погибли. Отражать атаку и переходить в наступление пришлось втроем.

До сих пор я удивляюсь, откуда брался в нас какой-то безоглядный боевой энтузиазм. Ведь было нам по 19 лет. Еще вся жизнь впереди! И каждый думал: «Неужели это мой последний бой, и я не познаю семейного счастья, никогда не приласкаю свою жену, больше не увижу маму?...»

В том бою было уничтожено 32 немца, 18 сдались в плен. Бойцов наградили орденами Славы, а их подвиг описали в армейской газете «Во славу Родины».

После штурма Берлина 3-ю танковую армию бросили на освобождение Праги: «День Победы я встретил в Альпах. В четыре часа утра объявили, что Германия капитулировала. А мы еще с девятого по четырнадцатое мая в боях были» - Написал Павел Гаврилович.

В 1980 году Павел Гаврилович вновь встретился с однополчанами в Москве. В гостинице «Россия» в одной комнате собрались старшина Трофимов из Ленинграда, старший сержант Сергеев из Кривого Рога и Пашка

Грузин из Курагино. Обнялись, расцеловали друг друга. Вспомнили, как там под Берлином «их оставалось только трое...».

Коваленко Петр Павлович в начале июля 1941 г., ушел добровольцем на фронт. Месяц отучился в пехотном военном училище, а затем попал на Западный фронт. Боевой путь солдата начал в Подмосковье, далее – Смоленщина.

Первое ранение получил в августе 1941 г., ранение было тяжелое – пуля попала в щеку. Два месяца пролежал в госпитале и снова на фронт. Второе ранение получил в конце октября 1942 г. в спину. После госпиталя был отправлен учиться в Киевское военное училище связи имени Калинина, которое находилось тогда в Красноярске. Проучился до апреля 1943 г. и прибыл в Москву на расформирование. Попал в разведку Второго Белорусского фронта. Сначала командовал взводом, затем – ротой. Третий раз был ранен в руку в мае 1944 г. Четвертый раз – 9 сентября 1944 г. получил тяжелое ранение в бедро, был порван кишечник. Двенадцать осколков извлекли при операции, а мелкие до сих пор гуляют по телу. Читая воспоминания, мы каждый раз с содроганием представляли себе, как калечились эти юные тела. И как потом, кому-то из них, приходилось всю жизнь носить в себе воспоминание о войне в виде, «гуляющих» осколков.

Войну закончил в Германии в войсках Второго Белорусского фронта в качестве командира полковой разведки в звании старшего лейтенанта. Сражался храбро, принимал участие во многих боях и операциях: форсировании рек Сожа, Днепра, Немана, Березины.

Стихи писал и на фронте, печатался в армейских, дивизионных и фронтовых газетах: «Фронтовая правда», «Бей врага», «Мы победим» и др. Мы уже упоминали, что главной мечтой его детства было желание стать поэтом. Там в пламени и грохоте войны рождались эти строки.

Стихи, стихи!
Они как дети
Ночами спать мне не дают.
Упрямо будят на рассвете,
В поля закатные ведут.

Снегами занесенная земля,
И по весне украшена цветами.
Россия-мать – любовь и боль моя,
Какими мне воспеть тебя стихами.

В последний миг
Вот-вот в атаку... А сейчас
Впиваюсь в мёрзлый ком губами.
Ведь, может быть, в последний раз
Целую землю я, как маму.

Зачем обманывать себя?
Мы знаем цену
Сталинским победам.
Кровавей битвы
Не было и нету.
Вновь повторить —
Расколется земля!»

Очень обидно, сегодня читать или слышать о том, что Великая победа над фашизмом нашим солдатом принадлежит в наименьшей мере. Это показал Демарш Западных стран в мае 2015 года, когда они игнорировали торжества в Российской Федерации. Нам ничего не надо доказывать, мы просто прочитали что написал наш Земляк Комоцкий Иван Аркадьевич.

«15 мая 1943 года призван Иланским райвоенкоматом в РККА. Из Красноярска эшелон направили в Горьковскую область и там определили в водители автомобилей.

В августе 1943 года принял присягу и был отправлен в Москву на формировочный пункт. В Москве получили американские автомобили марки «Додж», погрузили на платформы и отправили в только что освобожденный второй раз Харьков. Стоял сплошной дым, все горело. Ночью нас переправили через Днепр в Кировоградскую область, где шли тяжелые кровопролитные бои. Фашисты пытались отомстить нам за поражение на Курской дуге. Степь. Лавиной на нас двигались вражеские танки. Тучей нависали самолеты-истребители. Практически весь дивизион был уничтожен. Была дана команда грузить раненых в машины и везти в медсанбат. Я только отлучился за снарядом, вернулся туда, где стоял автомобиль, а его нет – только черная воронка. После этого я попал в

саперный батальон. Научили разминировать и пошел я дальше освобождать родную землю от фашистских захватчиков. Особо мне запомнилось как тяжело было под Уманью, в Кривом Роге во время Корсунь-Шевченковской операции. Много погибло саперов.

Особенно сложно было в боях за Венгрию. Переправлялись на пантоне, попали в окружение – день и ночь бомбили самолеты, много бойцов утонуло. Войну закончил в Австрии в двухстах километрах за Веной». Разве нужны дополнительные доказательства, прочитав пару строк о бойцах погибших в боях за Венгрию.

Ещё более убедительным для нас стало воспоминание Владимира Михайловича Коряшкина. В глаза бросается то, что многие воспоминание записаны сухим, часто формальным языком. Память, человеческая память и годы стирают в сознание ветеранов очень многое бесценной информации. Но даже в таких воспоминаниях прорывается живое, трепетное человеческое отношение. И мы пошли на то, чтобы приводить многие из них целиком, не подвергая редактированию. Они так думали, чувствовали, помнили. Пишет Владимир Михайлович:

«С 17 лет был призван в армию. Окончил 6 классов. Формирование нашей дивизии было в Молотовской области на станции Юг. Попал я в действующую армию 1-го Белорусского фронта.

Участвовал в бою Висло-Одерского прорыва, где погибло много солдат. Мой полк был 1050. В бою с немцами были подбиты наши танки и погиб командир третьего батальона. Всю ночь двигались к реке Висла. К полудню мы форсировали эту реку и пошли в наступление с дивизионной и корпусной артиллерией. Враг окончательно был уничтожен.

Немцы отступали к Берлину, следуя за нашими частями. Наш полк пошел на окружение немцев и весь немецкий гарнизон был уничтожен. Было много жертв и с нашей стороны. Немецкое гражданское население убегало к Берлину целыми семьями. И.В. Сталин издал приказ не трогать гражданское население.

При подходе к Берлину бой продолжался более суток. Дрались за каждый дом.

Форсирование реки Одер продолжалось 5-6 дней с жестокими боями. Я помню многих солдат, близких друзей, которые умирали на моих глазах.

При форсировании реки Шпрее участвовала Днепровская флотилия. Переправляли танки, людей. Река кипела от снарядов. 92-й тяжелый танковый полк шел на таран. Было много уничтожено наших танков. За этот бой я получил медаль «За отвагу». Также получил медаль «За взятие

Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», орден Отечественной войны II степени.

Мы воевали не за медали, а за свой гражданский долг, за свою Родину.

Из роты нас осталось три человека. Самые крупные сражения были на Кюстринском плацдарме и при взятии Берлина. И тогда Жуков, осматривая место после боя, сказал, что здесь каждый камень, каждый кусок земли говорит сам о себе, что борьба здесь шла не на жизнь, а на смерть и если кто увидит человека с орденом – поклонитесь ему до самой земли.

Имею три ранения, контузию. Был ранен в Берлине при взятии гитлеровской ставки. Инвалид I группы. Спасибо В.В. Путину как президенту за заботу о нас, ветеранах Великой Отечественной».

Особенно тронуло то, что среди воспоминаний мужчин есть очень редкие, но женские воспоминания. Говорят, что у войны не женское лицо. Это правильно, никто не станет спорить, что женщине не место на войне. Но на то она и война, чтобы попирать все человеческие и божеские законы. Так мы наткнулись на листочке, исписанные аккуратным, мелким подчерком. Это воспоминание Натальи Владимировны Куциенко.

«После окончания четырех классов школы в селе Шалоболдино Курагинского района переехала в Томск, где окончила среднюю школу. В 1935 году поступила на работу в Томский государственный университет в качестве делопроизводителя и одновременно учмлась на подготовительных курсах в мединститут.

Затем после успешной сдачи экзамена я была зачислена студенткой лечебного факультета Томского государственного мединститута в 1936 году.

В июне 1941 года после сдачи государственного экзамена всей группой пошли в военкомат просить отправить нас на фронт, так как в это время началась война.

Меня направили в эвакогоспиталь СибВО 1507 в качестве врача. Госпиталь был развернут в Томске.

Врачебный состав госпиталя в основном был сформирован из ассистентов и доцентов мединститута, и я многому у них научилась.

В 1942 году госпиталь перевели в Кемерово. Научных работников отправили на педагогическую работу, а меня назначили приказом начальником хирургического отделения. Было трудно – не было опыта в хирургии, в административных делах. Работала по 12-14 часов в сутки и помогал нам энтузиазм, молодость, задор и стремление к победе.

Мы, молодые, часто ходили проситься, чтоб нас отправили в действующую армию. Наконец, в марте 1943 года упростила военкома и получила призывную повестку.

После кратковременного пребывания в московском резерве была направлена на Центральный фронт в Калугу, в прифронтовой госпиталь. Заболев скарлатиной, после лечения через полтора месяца вновь была направлена на Западный фронт в 53-й медсанбат 82-й Стрелковой дивизии в качестве ординатора операционно-хирургического взвода, где несколько месяцев служила младшим врачом 610-го полка.

С 82-й Стрелковой дивизией прошла боевой путь – освобождала Ярцево (дивизии было присвоено имя Ярцевской), Оршу, Смоленск. В ноябре 1943 года 82-ю Стрелковую дивизию перевели в Резерв Главного командования и направили в «горячие точки».

Дивизия успешно участвовала в освобождении Белоруссии – освободили много городов, сел, деревень: Климовичи, Долгобуш, Минск, Белосток.

Затем дислоцировали на 2-й Прибалтийский фронт. Освобождали Ригу, Сигульду, Вайноду.

15 января 1945 года форсировали Вислу и воевали на польской земле. Освобождали Познань, Варшаву и др.

В марте перешли границу Германии. Освободили Потсдам, Кюстрин, Бух, Бернау, Франкфурт-на-Одере.

В конце апреля воевали в Берлине, а 3 мая 1945 года дивизию направили на Эльбу. Встречались с американцами в День Победы 9 мая.

За годы, проведенные в действующей армии, много наших солдат полегло, много было ранено, а нам, молодым девчонкам, приходилось не отходить от перевязочных носилок по трое суток. Мы крепились и не роптали, особенно видя, что победа будет за нами, а солдаты, видя все это, превозмогали эту боль стойко, как в бою, подкрепляли нас: «Товарищ врач, обрабатывайте, я потерплю».

Дивизия с боями успешно прошла много тысяч верст, стала трижды орденоносной – орденов Красного Знамени, Суворова и Кутузова. Многие были солдаты награждены.

Я лично награждена тремя орденами – Отечественной войны обеих степеней и Красной Звезды, а также медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Белоруссии», «За победу над Германией», «За освобождение

Варшавы» и «За взятие Берлина». Есть у меня около десятка благодарностей от Верховного Главнокомандующего».

Вторая Мировая война была долгой для всего человечества. Для нашего народа она была несколько короче по времени, но четыре года страшного кровопролития, сражение с двумя величайшими армиями- фашистской Германией и милитаристской Японией- делали эту войну для нашей страны ещё более страшной, чем для остального человечества. И когда мир в мае 1945 года торжественно праздновал победу эшелоны уже везли наших бойцов на Дальний Восток. Был среди них и Владислав Михайлович Саввиных:

«Подготовка призывников проходила на теперешней Красной площади, города Красноярска, где мы жили непосредственно в палатках, где проходили мед.освидетельствование и строевую подготовку. Оттуда уезжали по направлениям: кто поопытней да постарше – добивать фашистов в их логове, молодёжь, вроде меня, концентрировалась в Сибири и на Дальнем Востоке. Там давно притаился коварный враг, готовый в любую минуту нанести удар. И на самом деле, Квантунская армия в ту пору представляла серьёзную силу, и чтобы ей успешно противостоять, требовались хорошо обученные молодые бойцы.

В октябре 1944 года наш эшелон был направлен на восток. Во Владивостоке после прохождения карантина был направлен на остров Русский в школу связи. Окончил ее по специальности радиотелеграфист. В мае 1945 года по распределению направлен во владивостокскую бухту Малый Улисс на эскадренный миноносец «Войков».

В ночь с 8 на 9 августа 1945 года на эсминце была полностью заменена зенитная артиллерия, а утром была объявлена война империалистической Японии.

Эсминец направился в бухту Посыет на соединение с другими кораблями Тихоокеанского флота. «Войков» взял курс в порт Сейсин (ныне Чхончжин), сопровождая десантные баржи с солдатами и танками. Кроме того, на эсминец было принято более полутысячи десантников.

Рассвет перед Сейсином встретил нас, почти штилем – небольшая морская зыбь не мешала вести наблюдение за морем и воздухом.

Все были напряжены, расчеты у орудий, торпедных аппаратов, глубинных бомб и зенитной артиллерии зорко вглядывались вдаль.

Интуитивно все ощущали, что, ворваться в порт и высадить десант без боя, японцы нам не позволят.

При подходе к порту Сейсин притаилась японская субмарина. Обнаружила она нас на рассвете, когда можно было увидеть дымящий силуэт корабля. Трехтрубный «Войков», работающий на жидком топливе, замечен был на большом расстоянии.

Как выстрел в шлемофонах расчетов и динамиках раздался «металлический» голос командира корабля капитана третьего ранга Абызова: «Слева по борту, дистанция восемь кабельтовых, по перископу - «Огонь!». Четыре 102-миллиметровых орудия с первого слова командира прямой наводкой ныряющими снарядами открыли огонь.

Навстречу эсминцу зловеще неслись две торпеды. «Лево на борт. Иду на таран» и корабль с максимальной скоростью и креном на левый борт рванулся навстречу японской субмарине.

Слева по борту у всех на глазах промчались два следа вражеских торпед.

Тарана с подлодкой не последовало. Японская субмарина от прямых попаданий ныряющими снарядами падала на грунт. Последний «реквием» субмарине «пропели» глубинные бомбы, сброшенные с эсминца.

За минуты боя самоходные морские баржи с живой силой и танками, которые должны были находиться неподалеку от эсминца, «рассыпались», и собрать их в единый боевой «кулак» потребовалось определенное время.

«Войков» сходу с десантом врывается в пылающий порт Сейсин. Главная задача выполнена.

Но война продолжается. Находясь пришвартованным к пирсу, команда «Войкова» испытала и осознала, что из себя представляет японский камикадзе. Из-за сопки вырвался японский истребитель-бомбардировщик, пикируя на эсминец. Вся огневая мощь корабля была обрушена на самолет. Он горел, но упрямо шел на корабль. Считанные секунды, взрыв, корабль вздрогнул. Самолет врезался рядом с бортом в воду. Видимо летчик был убит или ранен. Несколько пробоин в борту, которые аварийная команда заделала. Эсминец продолжал оставаться строю. По приказу свыше была подготовлена коргруппа для ведения огня по заводам «Мицубиси», расположенным из-за высот вне зоны видимости. Я, как радист, был включен в состав коргруппы с радиостанцией «А7А».

Пробираясь на высоту, откуда хорошо были видны заводы «Мицубиси» и наши корабли, чтобы отдышаться группа на несколько минут задержалась в полевом медсанбате, где девчонки в белых окровавленных халатах оказывали помощь раненым солдатам.

Одна из девушек с какой-то светлой улыбкой, увидев нашу группу, крикнула: «Есть ли ребята из Сибири – Канска или Красноярска?». «Есть», - ответил я. «А я из Канска». «Будете с группой возвращаться – поговорим», - крикнула она. «Нашли время объясняться», - буркнул капитан-лейтенант. – Помогите ему тащить радиостанцию. Быстрее вперед!».

Огонь по заводам вели эскадренный миноносец «Войков» и минный заградитель «Аргунь», оснащенный 130-миллиметровыми орудиями.

Поступила команда срочно возвращаться на корабль. Сползали с высоты на площадку, где располагался санбат. Первым, что я спросил, было: «Где Мария?». Девчонки опустили головы. На глазах были слезы. Нет Марии Цукановой из Канска, она погибла от снайперской пули японца. Эта хрупкая девушка-сибирячка спасла жизнь около сотни раненых. Посмертно ей присвоено звание Героя Советского Союза. Во Владивостоке установлен памятник Марии.

«Войков» в первых числах сентября вернулся во Владивосток на свою базу в Малый Улисс.

За боевые действия корабль был награжден орденом Боевого Красного Знамени и стал именоваться Краснознаменный эскадренный миноносец «Войков». Через некоторое время корабль был поставлен в док, а затем передан в ведение Высшего военно-морского училища Владивостока. Весь сентябрь группа радистов и я в числе несли вахту по прослушиванию эфира, надеясь услышать позывные подводной лодки Л-17, но напрасно. Последняя связь с ней была в августе, когда она находилась в проливе Лаперуза. У здания штаба бригады подплава в Малом Улиссе установлен обелиск, где запечатлены имена 125 подводников погибшей большой подводной лодки Л-17 («Ленинец-17»).

Для дальнейшего прохождения воинской службы я был направлен на подводную лодку среднего класса Щ-130 («Щука-130»), где прослужил остальные шесть лет срочной службы.

Читая одно за другим воспоминание ветеранов, мы погружались в страшное лихолетье, не понимая, как эти молодые люди не потеряли надежды и стремление на обычную человеческую жизнь. Но вот, в воспоминаниях Федора Захаровича Кочубея мы дошли до страничек которые были посвящены его супруге- Анне. Удивительная история военной любви дала нам возможность понять, как люди сумели в пекле войны не потерять человеческий облик. Вот, что мы прочитали:

«О жене – разговор особый. Когда, после встречи на Эльбе с американскими солдатами, Федор попал в Дрездене служить в военную комендатуру, советские солдаты освободили военнопленных из концлагеря,

что располагался под Дрезденом. Среди них оказалась, и его будущая жена Аня. Она из Смоленской области, была в партизанском отряде связной и на станции Галынка, при выполнении боевого задания, попала в плен. Пленные работали на стекольном заводе. В каких условиях их содержали, рассказывать не надо: две картошки на день, босиком зимой и летом по стеклу. Сердобольная немка, пожалев худенькую и хрупкую Аню, принесла ей обувь. Охранник тут же отобрал и исхлестал этими башмаками ню по лицу. Лишенные всякой информации, военнопленные и не ожидали такого чуда – освобождения. Но – свершилось. И даже счастье свое нашла в Германии. Боевой и brave старшина Кочубей оказался женихом завидным. И на всех фотографиях, привезенных из Германии, симпатичная Аня просто светится от счастья, прижимаясь к сильному плечу старшины Кочубея.

И еще раз чудом уцелел Кочубей, теперь уже не от боевой пули. В Дрездене, в ресторане, раз подсел к американцам и выпил с ними кружку пива. Начали разбираться, как да что, не предатель ли он Родины. Федор, со свойственной ему горячностью, ответил: «Если считаете изменником, расстреляйте», но его оставили в покое, как и Аню.

О боевом пути разведчицы Анны Кочубей написан очерк в книге «Красный партизан», изданной в Смоленске».

Чем дальше мы занимались этой темой, тем чаще задумывались над новыми и новыми вопросами, которые вставали перед нами. Мы уже не первый год изучаем историю нашего отечества и многие события, которые происходят сегодня, в мире не могут нас оставить равнодушными. Мы убеждаемся в том, что не было в той войне солдат – русский, солдат-украинцев, Солдатов-казахов и т.д. Был защитник своего отечества, который не очень раздумывал где он родился, где ему довелось воевать, а где он закончит свои дни. Валошин Николай Васильевич, член Совета ветеранов Красноярского локомотивного депо родился в селе Лутаво Черниговской губернии. Гребанин Алексей Дмитриевич уроженец деревни Шевченковка Винницкого округа. Капленко Ефим Иванович родился в Дергащевском районе Харьковского округа, а свою трудовую деятельность 1987 года он закончил заместителем начальника службы движения Красноярской магистрали. Бызов Михаил Павлович писал «рядом со мной бежал в атаку украинец Коля фамилия, кажется, Бокарев. Упал замертво. А ведь где-то его ждали, жена и дети».

А ведь это все писалось в конце 90-х-начале 2000-х годов, когда никто и подумать не мог, о тех событиях которые сегодня встали страшною угрозой между русским и украинский народом. Если бы знали наши ветераны, о том, что война не закончится на тех полях сражений. На которых они заплатили такую дорогую цену.

«...А мне память о последнем бое осталась на всю оставшуюся жизнь. Бой был жестокий, пошли в атаку, тут меня и ранило. Очнулся в госпитале. Тяжелое ранение в голову оказалось. Военные врачи спасли. Но осколок так и остался в голове чуть выше левого глаза в миллиметре от мозга. Был в свое время в Москве у профессора Сергея Фёдорова, царство ему небесное. Он осмотрел меня внимательно и делать операцию по удалению осколка отказался. Пояснил, что если начнем делать операцию, а осколок засел рядом с пленкой головного мозга, можем повредить мозг, и тогда пиши пропало. А так Вы, Иван Алексеевич, проживете долго. Он так и сказал.

Вот так и живу с меткой о войне под левым глазом...». (Из воспоминаний Климова Ивана Алексеевича)

Мы остановились на тех документах которые были посвящены особому ветерану- железнодорожнику. Он не только наш земляк, но и гордость Красноярской земли замечательный русский писатель Виктор Петрович Астафьев не только начинал свою трудовую деятельность на красноярской железной дороге, но и на фронт ушел из нашего города.

Военную подготовку получил в учебном автомобильном подразделении в Новосибирске. Весной 1943 года был направлен в действующую армию. Был шофёром, связистом в гаубичной артиллерии, после тяжёлого ранения в конце войны служил во внутренних войсках на Западной Украине.

Был награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией».

Из наградного листа медали «За отвагу»: «В бою 20.10.1943 г. красноармеец Астафьев В.П. четыре раза исправлял телефонную связь с передовым НП. При выполнении задачи, от близкого разрыва бомбы, был засыпан землёй. Горя ненавистью к врагу, тов. Астафьев продолжал выполнять задачу и под артиллерийско-миномётным огнём, собрал обрывки кабеля и вновь восстановил телефонную связь, обеспечив бесперебойную связь с пехотой и её поддержку артиллерийским огнём».

Мы не успели до конца разобрать все документы в старой папке, да, наверное, это и не самое важное работу мы будем продолжать воспоминание о тех, кто ушел не должны остаться только стопочкой листов. Потому что в них есть самое главное- это правда о той войне.

Эти воспоминания учат нас многим вещам: история вещь очень неоднозначная; чтобы прийти к истине, нужно выслушать и знать не только официальную точку зрения. Война виделась по-разному: глазами солдат, глазами военачальников, глазами тех, кто принимал политические и военные решения, глазами современных исследователей. Как нелегко

сегодня понять на чьей стороне правда. Для этого мы все лето и пересматривали старую папку. И вот, что поняли.

Победа в Великой Отечественной войне нашим народом была выстрадана и отвоевана огромными жертвами. Но благодаря этой Победе мир уцелел 70 лет тому назад. И если кто-то не хочет об этом сегодня помнить, то наш долг, не только, хранить эту память, но и гордиться ею. А главное- знать, как это было!

Библиография:

Воспоминание:

1. Бызов М.П
2. Богуш А.И
3. Бызов М.П
4. Волошин Н.В
5. Гребанин А.Д
6. Грузин П.Г
7. Капленко Е.И
8. Климов И.А
9. Коваленко П.П
10. Комоцкий И.А
11. Коряшкин В.М
12. Кочубей Ф.З
13. Куциенко Н.А
14. Саввиных В.М
15. Толстихин А.И

(Из фондов Музея истории Красноярской железной дороги).